

УДК 343.326

DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.65-71

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА МАКАРОВА,
юрист, Адвокатский кабинет В. Н. Макарова,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: marisafarov@yandex.ru;

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ТЮМЕНЕВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права,
международного и европейского права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: tymenev@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ БАНДИТИЗМА И СХОЖИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Для цитирования

Макарова, М. В. Проблемы дифференциации бандитизма и схожих преступлений террористической направленности / М. В. Макарова, А. В. Тюменев // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 65–71. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.65-71.

Аннотация. В статье исследуется проблема дифференциации бандитизма и схожих преступлений террористической направленности. В ходе историко-правового анализа делается вывод об обусловленности сращивания бандитизма и преступлений террористической направленности на раннем этапе кодификации в данных сферах, а также о недопустимости включения бандитизма в преступления террористической направленности и (или) содействующие террористической деятельности на современном этапе развития уголовного законодательства.

Ключевые слова: бандитизм, терроризм, террористический акт, уголовный бандитизм, политический бандитизм, бандитизм террористической направленности.

Системный анализ правоприменительной практики и уголовного законодательства показывает, что проблемы дифференциации бандитизма и схожих преступлений террористической направленности стоит достаточно остро. Это следует не только из толкования статей Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), но и из судебной

© Макарова М. В., Тюменев А. В., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

практики по данному вопросу. Согласно легальному определению термина «бандитизм», закрепленному в ст. 209 УК РФ, под ним следует понимать:

– образование путем сговора, приискания соучастников стабильной по составу группы лиц с выстроенной внутренней иерархией взаимоотношений, отлаженной системой координации действий, ее финансирование, вооружение и материально-техническое обеспечение в целях разового или неоднократного нападения на граждан или организации с использованием огнестрельного, холодного, газового или пневматического оружия, а также взрывных устройств;

– руководство такой группой, выражающееся в разработке преступного плана действий, выборе форм и методов преступного воздействия, определении ролей членов группы и степени их участия в реализации единого преступного умысла, координации действий, материально-техническом обеспечении, вооружении и финансировании;

– участие в указанной группе или в совершаемых ею нападениях, выражающееся как в непосредственной реализации действий, направленных на достижение преступного результата с использованием оружия и взрывных устройств и применением насилия над потерпевшим (созданием реальной угрозы его незамедлительного применения), так и в содействии в совершении преступления путем материально-технического обеспечения, вооружения, финансирования, подыскания объектов для нападения (постановление Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»).

Термин «бандитизм» в отечественном уголовном законодательстве начал использоваться в советское время. В царское время применялись такие конструкции, как «составление злонамеренных шаяк и вступление в оные» – ст. 1146 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. «Злонамеренные шайки» образовывались для осуществления разбойных нападений, краж, поджогов, фальшивомонетничества, подделки документов, контрабанды, подпольной торговли, организации и проведения запрещенных игр и для дачи взятки чиновникам. Законодатель, правоприменители и ученые-юристы того времени целью создания и деятельности «злонамеренных шаяк» определяли совершение совокупными силами неопределенного числа предполагаемых преступлений различной направленности с использованием разнообразных преступных форм и методов.

Впервые термин «бандитизм» появился в декрете СНК РСФСР от 20 июля 1918 г. № 3 «О суде», которым рассмотрение дел, связанных с бандитизмом, было отнесено к подсудности окружных народных судов (ст. 1). 20 июня 1919 г. в постановлении ВЦИК об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении, был использован термин «бандитизм», которым законодатель объединил такие действия, как участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество им и укрывательство. Таким образом, законодателем подчеркивался корыстно-насильственный характер преступления.

Однако уже через несколько лет законодатель расширил содержание данного термина, включив в него действия, не сопряженные с применением насилия (угрозой его применения) и не направленные на извлечение выгоды. Так, ст. 76 УК РСФСР, введенного в действие 1 июня 1922 г., в главе, посвященной преступлениям против порядка управления, закреплялось уголовное наказание в виде применения высшей меры наказания и конфискации всего имущества осужденного за организацию и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановку поездов и

разрушения железнодорожных путей, вне зависимости от того, совершались ли в процессе этих нападений убийства и ограбления или нет.

Данное действие со стороны законодателя, на наш взгляд, объясняется скорее несовершенством юридической техники, однако рассмотрение его сквозь призму современного уголовного законодательства позволяет сделать интересные выводы. Так, остановка поездов и разрушение железнодорожных путей – это преступление против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Учитывая историко-политический контекст того времени, важность железнодорожного сообщения, можно предположить, что объединение двух различных составов преступлений в одной статье было попыткой, во-первых, лаконично и компактно перечислить все запрещенные деяния в Кодексе без введения дополнительных статей и терминов, а во-вторых, предупредить преступление за счет отождествления его с более тяжким и, как следствие, применения к виновным, его совершившим, более жестких санкций. При этом не следует забывать о том, что остановка поездов и разрушение железнодорожных путей могут образовывать состав таких преступлений, как:

– диверсия, если преступники желали совершением данного преступления добиться подрыва экономической безопасности страны. Объектом данного преступления является государственная власть. Однако указанный Уголовный кодекс содержал ст. 65, предусматривавшую наказание за разрушение железнодорожных путей в контрреволюционных целях. Следовательно, включая в статью, предусматривающую уголовную ответственность за бандитизм, действия, направленные на остановку поездов и разрушение железнодорожных путей, законодатель не преследовал цели объединить данное преступление с контрреволюционным;

– террористический акт, если целью было нарушение установленного процесса деятельности органов власти, оказание воздействия на принимаемые ими решения. Объектом такого преступления в современной трактовке является общественная безопасность и общественный порядок. И хотя в то время данные действия, совершенные по указанному мотиву, были бы квалифицированы скорее всего как диверсия, объективно у нас имеются все основания для того, чтобы говорить о возможном сращивании на первоначальном этапе бандитизма и преступления террористической направленности в современном его понимании.

Мысль о тесной взаимосвязи бандитизма и преступлений террористической направленности в современном понимании данного явления находит подтверждение при изучении таких правовых документов, как Записка к заседанию Президиума ЦК, подготовленная в ОГПУ в 1924 г., постановление ЦК «О борьбе с бандитизмом» того же года, в которых отмечалась не только уголовная природа банд, но и политический характер деятельности некоторых из их числа.

В ст. УК РСФСР 1960 г. статья, закрепляющая уголовную ответственность за бандитизм, была отнесена к иным государственным преступлениям и содержала запрет на организацию вооруженных банд с целью нападения на предприятия, учреждения, организации или отдельных лиц, а также участие в таких бандах. Таким образом, дополнение, присутствующее в предыдущих редакциях УК РСФСР, было исключено. Это объясняется изменением внутривнутриполитической обстановки.

Закрепление понятия «террористический акт» в отечественном уголовном законодательстве произошло также в советский период. Уголовно-правовые документы до-революционного периода содержали запреты на совершение деяний, имеющих признаки террористического акта. В УК РСФСР 1922 г. в ст. 64 устанавливалась уголовная

ответственность за участие в выполнении террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, с целью осуществления контрреволюционной деятельности. Данное преступление определялось как государственное, контрреволюционное. Современная уголовно-правовая наука определила бы его как преступление против порядка управления с дополнительным объектом – жизнь и здоровье представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций. Как и в случае с бандитизмом, введение в действие УК РСФСР 1926 г. существенно не изменило диспозиции статей, устанавливающих запрет на совершение террористических актов.

В УК РСФСР 1960 г. произошли некоторые изменения, связанные с описанием диспозиции террористического акта. Из анализа ст. 66 следует, что террористический акт законодатель определял как убийство государственного, общественного деятеля или представителя власти либо причинение данной категории лиц тяжких телесных повреждений, совершенные по политическим мотивам. В отдельную статью законодатель выделял совершение террористического акта против представителя иностранного государства с целью провокации войны или международных осложнений.

С принятием в 1996 г. нового Уголовного кодекса преступлениям террористической направленности было уделено особое внимание: ввиду их повышенной общественной опасности разные проявления террористической деятельности закреплялись в отдельных статьях, они получали подробное легальное трактование, детально прописывались признаки составов данной категории преступлений, впоследствии перечень преступлений, имеющих характер террористических, расширялся. Это было обусловлено как общемировыми тенденциями, так и событиями, происходящими внутри государства.

Впервые термин «терроризм» получил официальное закрепление в отечественном законодательстве постсоветского периода в ст. 3 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», в которой он определялся путем перечисления признаков преступлений террористической направленности, причем в форме, несколько отличной от той, что была использована в Уголовном кодексе. Закрепленную формулировку нельзя было назвать универсальной, так как она определяла терроризм как конкретные действия, описание которых отличалось от того, что было использовано в Уголовном кодексе что создавало предпосылки для коллизий, а также не учитывала расширение перечня преступлений террористического характера. 6 марта 2006 г. был принят новый Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в котором терроризм был признан идеологией, основанной на насилии, использующей устрашение населения (иные формы насильственных действий) с целью оказания влияния на принимаемые органами власти или международными организациями решения. Следовательно, определение термина «терроризм» стало более соразмерным и точным.

Таким образом, на раннем этапе кодификации законодательства в сфере противодействия бандитизму и предотвращения террористических актов наблюдаются не только существенные расхождения в рамках дифференциации данных преступных деяний по сравнению с современными трактовками, но и создание предпосылок для сращивания бандитизма с терроризмом. Историко-правовые предпосылки, а также объективная связь, выражающаяся в совершении бандами преступлений террористического характера, подводит многих авторов к мысли о необходимости включения бандитизма в перечень преступлений террористической направленности [1, с. 27–28].

На наш взгляд, данное предложение является весьма спорным и не отвечающим современным уголовно-правовым реалиям. Так, в советское время наличие в пре-

ступлениях, уголовная ответственность за совершение которых наступала по статье «Бандитизм», признаков преступлений террористической направленности было обусловлено тем, что бандитизм долгое время (вплоть до 1960-х годов XX в.) оставался крайне острой проблемой, в то время как террористические акты совершались редко [2]. В связи с этим считалось более целесообразным не развивать уголовное законодательство в сфере противодействия терроризму, а осуществлять правосудие за преступления данной направленности по имеющимся статьям Уголовного кодекса (в том числе осуждая по статье «Бандитизм»).

В 1980-е годы на волне политических изменений происходит усиление криминальной активности [3], в том числе возрастает число преступлений, имеющих характер террористических [4]. Именно в этот период активно формируется опыт борьбы с данной категорией преступлений, который впоследствии приведет к формированию соответствующей нормативно-правовой базы и правоприменительного опыта.

В настоящее время антитеррористическое законодательство имеет достаточно высокую степень проработанности, сформирована правоприменительная практика, что позволяет эффективно отграничивать преступления террористической направленности от бандитизма. Отнесение бандитизма к преступлениям террористической направленности, равно как и включение его в перечень преступлений, содействующих террористической деятельности, представляется неверным. На практике это сделает затруднительным привлечение по данной статье создателей, руководителей и участников банды, имевших исключительно корыстные цели.

Фактически отнесение бандитизма к преступлениям террористического характера определит в качестве обязательного элемента состава бандитизма наличие определенной идеологии, оправдывающей применение насилия и устрашения в ходе совершения преступлений. При этом бандитизм всегда был преступлением с формальным составом, квалификация по которому происходила по внешним признакам, при этом цели вооруженной устойчивой группы, которые она преследовала при совершении вооруженных нападений, не составляют обязательного элемента состава преступления. Кроме того, это может привести к коллизии, так как неясно, чем в таком случае бандитизм будет отличаться от преступления, предусмотренного ст. 205.4 УК РФ (организация террористического сообщества и участие в нем).

В связи с изложенным считаем, что говорить о бандитизме террористической направленности недопустимо. При совершении участником банды преступления террористического характера его действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений. Данная тенденция отражена в современной правоприменительной практике (например, приговор А. Даудова по делу о захвате заложников в Буденновске. URL : <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10439145%40fsbMessage.html>). Эта же мысль отражена и в постановлениях пленумов Верховного Суда РФ (например, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»). Так, если группа лиц изначально объединяется с целью осуществления террористической деятельности (в том числе террористических преступлений), то уголовная ответственность должна наступать по ст. 205.4, 205.5 УК РФ (в зависимости от соответствующих признаков). Если отдельные члены террористического сообщества (организации) объединились в банду в целях нападения на граждан или организации и участвуют в совершаемых ею нападениях, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 209,

205.4 (205.5) УК РФ (в случае совершения конкретных преступлений добавляется квалификация по совокупности и с ними).

Аналогичная ситуация с участниками незаконных вооруженных формирований (НВФ). Если группа лиц изначально объединяется для совершения вооруженных нападений, не имея цели пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, равно как и не планируя совершать преступления террористической направленности, то ее действия следует квалифицировать как бандитизм. Если деятельность банды начинает приобретать признаки террористического сообщества (организации), НВФ, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 209, 205.4 (205.5), 208 УК РФ (в случае совершения конкретных преступлений добавляется квалификация по совокупности и с ними).

Анализ уголовного законодательства позволяет сделать следующие выводы:

– у бандитизма и преступлений террористической направленности общими являются родовой и видовой объекты. Отличными могут быть дополнительные объекты в связи с тем, что бандитизм и схожие преступления террористической направленности следует рассматривать в контексте преступлений, предполагаемых для совершения группой лиц. Так, для бандитизма будут несвойственны такие дополнительные объекты, как мир и безопасность человечества, основы конституционного строя и безопасность государства;

– при общей схожести объективная сторона каждого преступления будет иметь свои нюансы. Нередко при использовании одинаковых определений в описательной части уголовно наказуемого деяния форма их реализации на практике будет различна. В случае сравнения бандитизма и НВФ различия будут не только в видах и характере вооружения, но и в особенностях организации деятельности внутри группы, как и в случае с объективной стороной. Именно рассмотрение изучаемых составов сквозь призму преступлений, для совершения которых происходит организация группы лиц, позволяет выделить главные отличия объективной стороны бандитизма и преступлений, предусмотренных ст. 205.4, 205.5 УК РФ;

– субъектом бандитизма является лицо, достигшее 16-летнего возраста, субъектом преступлений террористической направленности, схожих по объективной стороне, – лицо, достигшее 14 лет;

– субъективная сторона будет наиболее ярко отражать основные отличия бандитизма от схожих преступлений террористического характера. Так, в основе преступлений террористического характера будут лежать политические, сепаратистские, религиозные идеи, которыми будут руководствоваться преступники. Бандитизм не предполагает наличие каких-либо конкретных целей в качестве обязательного элемента состава преступления.

Таким образом, несмотря на наличие историко-правовых предпосылок «сращивания» бандитизма и преступлений террористической направленности, симбиоза бандформирований с «террористическим подпольем» [5, с. 94], проявляющегося нередко на практике, современное законодательство, его легальное толкование и сформированная правоприменительная практика обладают всеми ресурсами для дифференциации рассматриваемых преступлений.

Библиографический список

1. Боровиков В. Б., Боровикова В. В. Борьба с преступлениями террористического характера: уголовно-правовые аспекты // Российское правосудие. 2006. № 3. С. 27–32.

2. Макаров Г. С. История развития советского уголовного законодательства об ответственности за терроризм // Молодой ученый. 2015. № 11(91). С. 1078–1080.

3. Богданов С. В., Орлов В. Н. За фасадом перестройки в СССР: власть, хозяйственная преступность, общество // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–4(9). С. 27–31.

4. Черноусова Е. С. Терроризм как явление в советский период истории России // Обзор. НЦПТИ. 2019. № 2(17). С. 56–59.

5. Магомедов Ш. Б., Абдулатипов А. М. Современные аспекты противодействия бандитизму и экстремизму // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2013. № 3. С. 94–99.